

НОВЫЕ РАБОТЫ БУРЖУАЗНЫХ ИСТОРИКОВ ОБ АЛЕКСАНДРЕ МАКЕДОНСКОМ

Огромная буржуазная литература об Александре Македонском пополнилась в послевоенные годы несколькими новыми крупными работами, из которых в первую очередь следует назвать двухтомную работу Тарна¹ и книгу Робинсона под претенциозным, явно рассчитанным на современную политику американского империализма названием: «Соединение Востока и Запада в мировом правительстве и братстве»².

Как известно, отношение буржуазных историков XVII, XVIII и даже XIX вв. к Александру и возвышению Македонии не было однородным. Большинство историков того периода, когда буржуазия еще боролась за конституционные свободы, видело свой идеал в афинской демократии эпохи Перикла. К возвышению Македонии, положившему конец независимости Афин, а в связи с этим и к Александру многие из историков относились с нескрываемой враждебностью. Такую позицию занимали наиболее яркие представители историографии первой половины XIX в.: Нибур, Грот, Курциус, Дункер и др.³

Классики марксизма подтверждают высокую оценку афинской демократии. «Высочайший внутренний расцвет Греции совпадает с эпохой Перикла, высочайший внешний расцвет — с эпохой Александра», — писал Маркс в «Передовице в № 179 „Кельнской газеты“»⁴, подчеркивая тем самым, что время господства демократии было периодом величайшего расцвета Эллады и что внутренний упадок Греции имел место при Александре.

В эпоху империализма буржуазная наука резко меняет свое отношение к возвышению Македонии и к Александру. Немецкие историки второй половины прошлого века, начиная со времени объединения Германии, раньше других стали считать кульминационным пунктом развития Греции возвышение Македонии и завоевания Александра. В панэллинизме, бывшем якобы движущей силой македонских завоеваний, они усматривали историческое оправдание претензий немецкого империализма на мировую гегемонию⁵. Пельман с одобрением пишет⁶, что у Александра была «идея государства, обнимающего главнейшие культурные народы и сглаживающего их особенности на почве возможно более космополитической культуры». Эд. Мейер в работе «Александр Великий и абсолютная монархия»⁷, Керст, Вилькен и другие немецкие историки всячески превозносят величие и значение македонского объединения. Влияние этой тенденции сказалось и на сравнительно новой книге француза Раде⁸. Позиция Бслоха, считавшего, что «Александр пожал там, где посеял его отец, оригинальна и критична только в оценке личности Александра, а не исторического значения всего периода. В послевоенной буржуазной историографии ярче всего это стремление к оправданию и восхвалению македонских завоеваний выступает у англо-американских историков. В разбираемых нами двух работах, несмотря на их различия, сразу же бросается в глаза эта апологетическая тенденция.

Работа хорошо известного советским читателям английского историка Тарна «Александр Великий» состоит из двух томов: первый сравнительно небольшой том (161 стр.) — «Повествование» — является переработкой написанных тем же автором XII и XIII

¹ W. W. Tarn, Alexander the Great, Camb., 1948, т. I—II, 161 + 477 стр.

² Ch. A. Robinson, Jr., Alexander the Great: the Meeting of East and West in World Government and Brotherhood, N. Y., 1947, 252 стр.

³ Дройзен с его восторженным преклонением перед великим завоевателем стоит особняком среди других ученых того времени.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. I, стр. 180.

⁵ См. М. Г. Колотова и В. Г. Борухович, Панэллинизм и буржуазная историография античности, ВДИ, 1951, № 1, стр. 203—208.

⁶ Р. Пельман, Очерк греческой истории и источниковедения, 1910, стр. 305.

⁷ E. Meyer, Kleine Schriften, т. I, Halle, 1910, стр. 283—332.

⁸ Rade, Alexandre le Grand, P., 1931.

глав VI тома «Кембриджской древней истории». Материал значительно расширен на основании последних работ и исследований как самого автора, так и других историков. Необходимо заметить, что русские работы игнорируются автором (например, статьи профессоров С. И. Ковалева, К. В. Тревер и А. Б. Рановича остались неизвестными автору), что невыгодно отличает его работу от работ некоторых других английских историков, например, Дж. Томсона, оценивших и признавших роль советской науки. В книге Тарна дана новая разбивка на главы: кроме имевшихся уже в «Кембриджской древней истории» глав, посвященных завоеваниям Александра в Азии, Тарном написана специальная обобщающая и подытоживающая весь том глава: «Личность, политика, цели».

Большой интерес представляет второй том — «Источники и исследования», — состоящий из отдельных исследований-очерков. Первый очерк (133 стр.) посвящен подробному анализу исторической традиции об Александре. Тарн довольно убедительно опровергает общепринятый ранее взгляд Якоби¹ на приоритет «Клитарховой традиции». Аргументация Тарна в пользу того, что работа Клитарха появилась после воспоминаний Аристубула и Птолемея, а также что Клитарх совсем не принимал участия во второй части похода Александра, кажется нам убедительной. Автор подробно прослеживает влияние традиции, начатой Клитархом, на Курция Руфа и Диодора.

Важной проблеме исторических источников посвящены еще три дальнейших приложения (стр. 268—319). В одном из них специально изучается вопрос о цитируемых различными авторами речах Александра. Тарн полагает, что речи, приводимые Арианом, заслуживают доверия, так как можно доказать, что они составлены на основании документов, имевшихся в распоряжении Птолемея; не заслуживают доверия речи, приводимые Курцием и Плутархом.

Специальный очерк посвящен также «Жизни Александра», написанной Плутархом. Тарн доказывает подложность ряда «писем» Александра, служивших источником Плутарху. Самой биографии свойственен характерный для Плутарха синкретизм: в ней некритически объединены апологетические и враждебные Александру версии.

Группа очерков (135—198 стр.) касается вопросов, связанных с армией Александра и со сражениями при Гавгамелах и Гидаспе. Правильным представляется замечание об изменении смыслового значения таких терминов, как *этеры*, *соматофилаки*, *гипасписты*. Выступая против ряда авторов, полагавших, что *этеры* были введены в Македонии только в IV в., Тарн считает, что *этеры*, дружина царя, столь же древни, как и сами македонские цари. Однако при Филиппе и особенно при Александре термин «*этеры*» приобретает двойное значение: с одной стороны, *этерами* попрежнему называют небольшую кучку крупной македонской знати, составлявшей неофициальный совет и резерв царя для назначения на высокие должности; эти *этеры* почти не участвовали в битвах. С другой стороны, из «царской илы», состоявшей из менее знатных македонян, постепенно вырастает конница *этеров* (8 ил). Из прежней агемы телохранителей-соматофилаков возникло при Александре 3000-е подразделение «гипаспистов», которых иногда называли «аргираспистами». Однако тот же термин «соматофилаки» сохраняется и за группой ближайших сотрудников Александра, имена которых меняются, но общее число никогда не превышало восьми. Тщательное изучение источников позволяет установить приблизительную численность македонской армии на различных этапах похода, а также определить динамику ее состава и последовательную смену командиров соединений.

Важны приложения, где речь идет о греческих городах Малой Азии (стр. 199—232) и городах, основанных Александром (стр. 232—260). Ряд очерков специально посвящен опровержению легенд, сложившихся об Александре: о Гордиевом узле, о смерти Батиса, о мифическом брате Александра, Каране, и о сыне Геракле. Необходимо отметить, что выбор вопросов, связанных с личной жизнью Александра, в значительной степени определяется даже у такого буржуазного ученого, как Тарн, не значимостью отдельных проблем, но вкусами буржуазной публики. Подробнейшим образом разби-

¹ F. Jacoby, Kleitarchus, RE, s. v.

раются мало достоверные свидетельства о гомосексуализме и импотентности Александра. Много места уделяется мнимой женитьбе Александра на царице амазонок, вопросу о том, был ли сыном Александра сын его жены Барсины и т. п.

Наконец, последние четыре приложения (стр. 347—435) посвящены, как заявляет Тарн, «основным проблемам». Тщетно, однако, советский читатель будет искать среди этих «проблем» вопросы экономики или характеристику тех изменений в общественных и экономических отношениях, которые берут свое начало с завоевания державы Ахеменидов Александром. Изучавший раньше столь подробно «проблемы» семейной жизни Александра, Тарн не дает себе труда исследовать вопрос о том, как повлияли походы Александра на рынок рабов материковой Греции. Он просто ссылается на Глотца, отрицавшего существенное влияние этих походов на экономику Греции. А ведь Тарн раньше принадлежал к той немногочисленной группе буржуазных историков эллинизма, которые склонны были считать рабство подоплекой, «background» всего античного общества. Зато целых 30 страниц посвящаются вопросу, верил ли сам Александр в свое божественное происхождение или только поддерживал эту легенду во имя своих политических целей. Совершенно неубедительным представляется парадоксальный тезис Тарна, что Александр никогда не стремился к мировому господству. Идеиная позиция Тарна наиболее четко проявляется в заключительной части всей книги — последнем приложении «Об идее братства и единства в деятельности Александра». На основании случайно подобранных слов и формальных соображений Тарн пытается доказать, что кровавая завоевательная деятельность Александра была направлена на установление... братства и единства человеческого рода. Тарн ожесточенно отстаивает приоритет Александра перед циниками в выдвижении идей космополитизма. В идеях Александра он видит основы поздней римской стоической философии и даже христианства и буддизма.

В краткой рецензии нет возможности подробно остановиться на многих положениях работы Тарна. Большинство неправильных положений вытекает из идеалистической концепции автора и является результатом недооценки значения экономического базиса. Для Тарна история македонских завоеваний, это, прежде всего, — история самого Александра, «его изумительной личности» (т. I, стр. 142)¹. Чрезмерно преувеличена роль личности в истории: по существу говоря, именно отдельным личностям, а не включенным в монархию Александра восточным и западным народам посвящен двухтомный труд Тарна. Причина распада монархии Александра, по Тарну, — не в том, что империя Александра, как и другие такого рода империи Кира, Цезаря и Карла Великого, «... не имели своей экономической базы и представляли временные и непрочные военно-административные объединения»², а исключительно в преждевременной смерти самого Александра. Тарн всерьез заявляет: «Гарантия прочности могла и была бы достигнута, если бы Александр продолжал жить» (стр. 142). Идеализм Тарна сказывается в том, что такой гарантией прочности он считает высокую эллинскую культуру, «этический и интеллектуальный прогресс» — тот величайший дар, который войска Александра якобынесли на Восток. Тарну очень хочется доказать, что единство культуры могло бы создать «общую идею», которая сплотила бы воедино завоевателей и покоренных. И хотя исторические факты, как, например, хотя бы распад монархии Александра сразу после его смерти, противоречат этому положению, Тарн бездоказательно продолжает утверждать: «Если бы он (Александр) прожил полный срок жизни и воспитал бы сына, его империя достигла бы такой крепости, которую трудно себе представить. Для ее крушения было бы необходимо сильнейшее потрясение истории, подобное тому, которое уничтожило империю Габсбургов. Мы обязаны считаться с такой формирующей силой, какой была изумительная личность Александра» (стр. 142). Вряд ли уместно терять время на полемику по вопросу о том, «что бы было, если бы...»

¹ В дальнейшем, кроме случаев, особо оговоренных, цитируются страницы первого тома работы Тарна.

² И. С т а л и н, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1950, стр. 12-

Нам и так легко понять практическое значение этого положения для английско-буржуазного ученого. «Британия и ее доминионы,— пишет, вопреки всем известным фактам, Тарн несколько выше,— объединяются общей идеей сильнее, чем это сделала бы любая иная формальная связь» (стр. 141).

Поражение Персии Тарн в значительной степени объясняет бездарностью Дария III. Бесс должен был низложить Дария сразу после Исса. Если бы он имел успех, история его оправдала бы (стр. 57—58). Отмечая бессмысленность выступления спартанцев против Македонии в 331 г., Тарн пишет, что, если бы Агис с войсками участвовал в битве при Херонее, «его присутствие могло бы изменить ход мировой истории» (стр. 52).

Находясь под сильным обаянием личности и успехов Александра, Тарн не может дать правильной оценки его политики и завоеваний. В этих вопросах он продолжает апологетическую линию Эд. Мейера, Вилькена, Раде и других ученых эпохи империализма — той эпохи, когда буржуазные ученые оправдывают и восхваляют политику захватов как в настоящем, так и в глубоком прошлом.

Энгельс показывает в «Диалектике природы» неизбежность завоеваний при рабовладельческой системе хозяйства: разрешение внутренних противоречий «...дается в большинстве случаев насильственным покорением гибнущего общества другими, более сильными (Греция была покорена Македонией, а позже Римом). До тех пор, пока эти последние, в свою очередь, покоятся на рабском труде, происходит лишь перемещение центра, и весь процесс повторяется на высшей ступени, пока, наконец (Рим), не был покорен народом, введшим вместо рабства новый способ производства»¹.

Тарн смешивает неизбежность этого процесса с его этическим оправданием. Он оправдывает действия Александра моральными нормами той эпохи, замазывая тот очевидный факт, что войны Александра носили захватнический характер. «Империалистские войны тоже бывали и на почве рабства...»² — указывал Ленин.

Всюду, где это возможно, Тарн выдвигает на первый план личное благородство Александра, его милосердие, преданность дружбе, щедрость и великодушие. Любопытно, что такая оценка является шагом назад по сравнению даже с английскими буржуазными писателями XVIII в. — Фильдингом и Годвином, стоявшими на позициях буржуазного гуманизма. В романе «Калев Вильямс» В. Годвина — одного из любимых писателей Н. Г. Чернышевского — один из героев романа, реакционный помещик Фокленд, восхваляет Александра, приводя буквально те же доказательства, что и современный историк Тарн: «Вспомните его героическое доверие к Филиппу — врачу (ср. Тарн, стр. 24), его глубокую и неизменную дружбу с Гефестионом (ср. Тарн, стр. 117). К пленному семейству Дария он отнесся с самым радушным гостеприимством, а почтенную Спизгамбу принял с сыпновней нежностью и вниманием»³ (ср. Тарн, стр. 28). Точно так же как и Тарн (стр. 78—79; 112, 114), Фокленд утверждает, что обожествление было необходимо Александру для осуществления его замыслов, «...только эти соображения, а не безумное тщеславие были источником его поступков. И сколько ему пришлось бороться из-за этого с тупым упорством некоторых подвластных ему македонян» (стр. 144). Как и Тарн, Фокленд оправдывает кровопролитные войны Александра перенесением на Восток греческой образованности и культуры, выдвижением идеи всеобщего братства народов. Герой повести Калев Вильямс критикует этот взгляд с точки зрения буржуазного гуманизма: «Убийство и кровопролитие оказались очень неудачным способом насаждения просвещения и любви». Он ссылается на предшественника Годвина, Генри Фильдинга, который следующими словами подытоживает доводы апологетов Александра: «После того, как первый из них (Александр) огнем и мечом разорил обширную империю и уничтожил жизнь огромного количества ни в чем неповинных несчастных людей и подобно смерчу всюду принес гибель и опустошение, нам в качестве примера его милосердия указывают на то, что он не перере-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 450.

² В. И. Ленин, Соч., т. 26, стр. 135.

³ В. Годвин, Калев Вильямс, Госполитиздат, 1949, стр. 143.

зал горло старухи и не изнасиловал ее дочерей, а удовлетворился лишь тем, что загубил их жизни»¹.

Стремление во что бы то ни стало оправдать все действия Александра проходит красной нитью через книгу Тарна. Целые страницы посвящены опорочиванию Каллисфена, жестокая казнь которого вызвала неодобрение не только современников, но и последующих поколений (стр. 77—82). Именно Каллисфену приписывает Тарн идею обожествления Александра: таким путем Каллисфен, по мнению Тарна, хотел возвыситься, но, не учтя последствий, стал жертвой собственных интриг. Тарн, следуя за Тимеем², приходит к парадоксальному выводу, что Каллисфен получил по заслугам и казнь его должна быть одобрена и оправдана даже демократами.

Этим же стремлением автора надо объяснить и следующий факт. В вводном очерке об исторической традиции Тарн доказывает, что при прочих равных условиях мы всегда должны отдавать предпочтение Арриану перед Курцием Руфом. Однако в рассказе об убийстве друга детства и спасителя Александра, Клита, он вдруг отходит от выработанного им же самим принципа. Из двух версий о месте убийства Клита Тарн предпочитает версию Курция, рассказывающего, что пьяная оргия, жертвой которой пал Клит, произошла в Маракаде. Ведь если принять версию более заслуживающего доверия Арриана, что убийство Клита произошло в Бактре, то нельзя будет, как это делает Тарн, оправдать вызвавшую несчастье попойку Александра отсутствием пригодной питьевой воды. Правда, Тарн не доходит до таких нелепостей, как Вилькен³, который даже в разрушении Фив видит выражение панэллинской идеи. В ряде случаев Тарн осуждает Александра (разрушение Фив, убийство Клита и Пармениона, избиение наемников при Массаге). Однако и в этих случаях он пытается найти, как мы это видели, если не оправдание, то хотя бы смягчающие обстоятельства. Все это, по выражению Тарна, — «грехи юного властелина. Пусть судят о них те, кому знакомы искушения власти» (стр. 125). «Многие цари поступали дурно, — цитирует он Арриана на стр. 75, — но никто, кроме Александра, не раскаивался в этом». Именно этой апологетической тенденцией, очевидно, объясняется стремление Тарна доказать, что завоевания Александра не были направлены на создание мировой державы. Доказательствам этого сомнительного тезиса посвящено несколько страниц первого тома (стр. 121—122) и специальное приложение во втором томе (стр. 378—399). Вся аргументация Тарна не представляется убедительной, так как решающие доводы носят формально-юридический характер и извращают истинное положение вещей: Тарн, считая, например, что Александр, с большими потерями завоевав Пенджаб, отдал его Пору, как независимому правителю, не понимает, что только смерть Александра и распад его монархии сделали эту независимость реальной. Серьезным доводом Тарн считает и то, что Александр никогда не называл себя «царем царей».

Очень много места уделяется вопросам координации различных частей империи Александра. Недаром Тарн проводит параллель с Британской империей (стр. 138). Автор хочет доказать, что правильная система координации может сплотить воедино племена и народы, не связанные органически и не имеющие общей экономики и языка. Единство монархии якобы достигалось личностью самого Александра, который для азиатцев был царем, для греков — богом, а для египтян — царем и богом одновременно (стр. 139). Именно этим Тарн обосновывает не о б о х о д и м о с т ь обожествления Александра, которое поставило царя над греками и вместе с тем «сохраняло свободу эллинов» (стр. 112—114). Последняя фраза показывает, до каких вопиющих нелепостей может довести формально-юридический принцип! Примеров такого рода, когда жонглирование отвлеченными юридическими категориями дает автору возможность «доказать недоказуемое», у Тарна немало: здесь и утверждение, что Александр научился у Аристотеля примирять интересы партий: «чтобы богатые не терпели несправедли-

¹ Г. Ф и л ь д и н г, История жизни покойного Джонатана Уайльда Великого, 1743, кн. I, гл. 1.

² См. P o l y b., XII, 12b.

³ U. W i l c k e n, Alexander der Grosse, Lpz., 1931, стр. 66.

ности, а народ не был оскорбляем» (т. I, стр. 32), и то, что Александр не был якобы сторонником основания государства на базе завоевания (т. II, стр. 399—449), и многое другое.

Работа Тарна во многом характерна для современной буржуазной науки. Автор, принадлежащий к ее крупным представителям, располагает огромным фактическим материалом, накопленным несколькими веками кропотливых исследований. Несмотря на отсутствие новых источников, он в целом ряде случаев сумел по-новому осветить события. Но отсутствие правильной исторической перспективы, методологическая беспомощность, непонимание законов общественного развития выявляются не только в общих, но даже в частных вопросах и обесценивают работу Тарна.

Если книга Тарна, несмотря на отмеченные глубокие пороки, относится все же к числу произведений, могущих в какой-то степени быть использованными последующими исследователями, то вторая из разбираемых нами книг об Александре — книга американского историка Робинсона является типичным продуктом разложения буржуазной науки. Уже во Введении (стр. 14) автор заявляет, что он намерен использовать материал различных источников, не затрудняя себя рассмотрением вопроса об истинности сообщаемых им сведений. Чтобы завоевать сбыт своей книге, буржуазный историк угоджает пошлomu вкусу среднего американского читателя и обильно разбавляет историческое повествование обветшалыми анекдотами, чудесными предсказаниями, божественными знаменьями и тому подобной мистической чепухой. Даже Тарн, пользующийся известностью «разрушителя легенд», солидного и педантичного ученого, позволяет себе «оживлять» свою книгу рассказами, подобными анекдоту, о том, как индийский аскет предсказал смерть Александру в Вавилоне (I, стр. 110). Робинсон же превратил свою книгу в какой-то сборник порожденных суевериями и не имеющих никакой исторической ценности анекдотов.

Книга эта представляет адаптацию истории Александра для «среднего» американца. Естественно, что, поставив перед собой такую задачу, Робинсон не дал себе труда не только пересмотреть заново традицию об Александре, но даже познакомиться сколько-нибудь основательно с существующей литературой. В основной своей части книга эта — компиляция, причем шире всего использованы работы Тарна в САН и в ряде журналов. Приложенная в конце книги библиография не дает даже частичного представления о богатой литературе по истории Александра. Характерным для самих методов американской «школы» является хвастливое заявление автора, что в своей избранной библиографии он «приводит даже (!) работы с противоположными взглядами» (стр. 16). Но не только методы работы в книге Робинсона показывают деградацию буржуазной науки. В основе ее лежат идеалистические, реакционные представления о ходе развития истории. Робинсон заявляет, что «основное значение завоеваний Александра — в создании новой космополитической культуры», что «древняя Греция — родоначальница современного духа» (стр. 20) и т. д. В начале второй главы Робинсон дает совершенно извращенную идеализированную картину общественных отношений в самой Македонии. «Национальный» характер македонян якобы обеспечил преданность солдат царю, «здоровое соревнование» между батальонами и т. п. Повидимому, в назидание своим деловым читателям Робинсон замечает, что храбрость и способности солдат сразу же награждались царями двойной оплатой или повышением в чине. Историческое развитие, по мнению автора, определяется исключительно характером отдельных лиц (стр. 20, 34) и целых народов.

На стр. 239 автор пишет: «Одна из трагедий человечества состоит, может быть, в том, что управление миром перешло к римлянам, а не к грекам, с их воображением, восприимчивостью и твердой уверенностью в превосходстве разума. Если бы Рим не вмешался, греки дали бы Средиземноморью не только общую культуру, но и форму правления, обеспечивающую прочное единство и свободу». Автор совершенно не понимает невозможности прочного единства племен и народностей Средиземноморья, не имевших своей экономической базы, «...живших своей жизнью и имевших свои языки»¹.

¹ И. С т а л и н, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1951, стр. 12.

В вопросе о «национальных характерах» Робинсон является прямым последователем немецких фашистов: «Восток в силу превосходства индо-европейской расы должен быть завоеван Западом. Александр предугадал тот путь, по которому с тех пор следовал западный человек» (стр. 19). «Еще Агамемнон, за 1000 лет до Александра, высадился в Троаде вместе с греками, совершавшими первый крестовый поход против Азии» (стр. 77).

Совсем по-иному относится автор к походам персов в Европу: если Александр стремился объединить Восток и Запад, то «Нсеркс хотел превратить Европу в азиатскую провинцию» (стр. 77). Робинсон пишет о «хищном империализме» персов, персидская армия представляла собой, по мнению автора, «скопище дегенерирующих азиатских масс» (стр. 72). В значительной степени автор, повидимому, склонен это объяснять, по рецепту немецких фашистов, тем, что персы утратили свою расовую чистоту, смешавшись с рядом восточных семитических народов. Иначе невозможно понять утверждение автора, что усиление сопротивления персов Александру в Восточном Иране объясняется тем, что здесь «индо-европейцы сохраняли свою первоначальную энергию и жизнеспособность» (стр. 141).

Империалистическая сущность концепции Робинсона сказывается и в том, что все симпатии автора на стороне захватчиков. Робинсон убеждает читателя, что завоевания в конечном счете приводят к выгоде самих завоеванных. Прибегая к сомнительному авторитету Клавдиана, он описывает прелести римской унификации (стр. 17), расхваливает македонское объединение (стр. 20 и др.), а Демосфена называет «болтливым поклонником свободы» (стр. 44). Но прошлое, как и настоящее, показывает, что объединение, созданное на базе завоевания, не может быть прочным, что монархия Александра распалась вместе с его смертью, а римская «унификация» привела лишь к тому, «...что не-римляне, т. е. все „варвары“, объединились против общего врага и с громом опрокинули Рим»¹.

Эти факты следует прежде всего иметь в виду поклонникам «мировых завоеваний»

М. Н. Ботвинник

МИЛИТАРИЗОВАННАЯ ФИЛОЛОГИЯ

В 1949 г. в Италии из-под пера папского секретаря Антонио Бакки вышел труд, озаглавленный «*Varia Latinitatis Scripta*». Книга в большой своей части представляет итальянско-латинский словарь большинства современных технических, политических и социальных терминов и выражений. Работа А. Бакки задумана как определенная модернизация латыни; это двухтомное издание примыкает к работам той группы буржуазных филологов, которые пытаются преподавать латынь не как мертвый, а как один из живых языков. К этой группе принадлежит и некий Р. П. Оливер, который сделал экстракт из книги Бакки и представил его вниманию читателей на страницах журнала американских филологов-классицистов «*Classical Weekly*»². Читатели журнала — главным образом преподаватели и учащиеся средних школ и колледжей, и, составляя свой маленький англо-латинский словарь из расчета на эту именно аудиторию, Р. Оливер внес в него определенную ярко выраженную «педагогическую» идею.

Словарику предшествует введение, где автор пытается представить себя ученым, если не всецело замкнувшимся в мире науки, то во всяком случае не простирающим свои интересы далее преподавания классической филологии. Автор горько сетует на угасание интереса к античной филологии, на утрату человечеством «духовных ценностей», на деградацию и одичание (*brutalization*) современной научной мысли. Слов нет, по отношению к тому миру, в котором он сам живет, ламентации автора вполне законны, а

¹ И. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 432.

² R. P. Oliver, *Modern latin*, «*Classical Weekly*», 1951, № 13, стр. 193—203.